

Константин Циолковский «На Луне»

«КП» продолжает публикацию фантастической повести, написанной основоположником теоретической космонавтики, гениальным учёным К.Э. Циолковским в 1887 году.

(Продолжение.)

Начало в «КП» №87 от 12 августа, №90 от 19 августа, №93 от 26 августа, №99 от 9 сентября, №102 от 16 сентября)

Но зари нет. Вместо зари мы видим кругом себя множество светящихся довольно ярким отражённым светом вершин гор и других возвышенных частей окрестности.

Этого света вполне достаточно, чтобы не потонуть во мраке в продолжение многих часов, если бы даже и не было месяца.

Одна отдалённая вершина, как фонарь, светилась в продолжение тридцати часов. Но и она потухла.

Нам светил только месяц и звёзды, а ведь световая сила звёзд ничтожна.

Тотчас после заката и даже некоторое время спустя отражённый солнечный свет преобладал над свечением месяца.

Теперь же, когда потух последний конус горы, месяц – господин ночи – воцарился над Луной.

Обратим же к нему наш взор.

Поверхность его раз в пятнадцать больше поверхности земного месяца, который был перед этим, как я уже говорил, то же, что вишня перед яблоком.

Сила света его раз в пятьдесят-шестьдесят превышает свет знакомого нам месяца.

Без напряжения можно было читать; казалось, не ночь это, а какой-то фантастический день.

Его сияние, без особенных экранов, не позволяло видеть ни зодиакальный свет, ни звёздную мелочь.

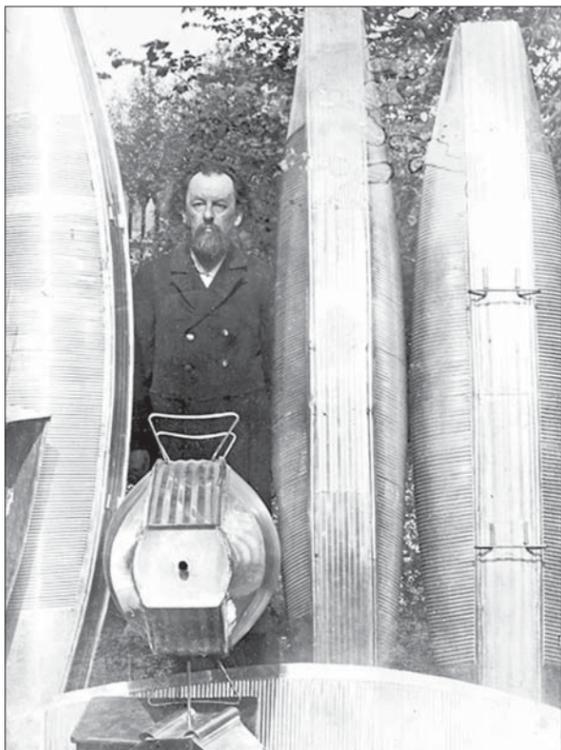
Какой вид! Здравствуй, Земля! Наши сердца бились томительно: не то горько, не то сладко. Воспоминания врывались в душу...

Как была мила теперь и таинственна эта прежде ругаемая и пошлая Земля! Видим её, как бы картину, закрытую голубым стеклом. Это стекло – воздушный океан Земли.

Видим Африку и часть Азии, Сахару, Гоби, Аравию! Страны бездождия и безоблачного неба! На вас нет пятен: вы всегда открыты для взоров селенита. Только при поворачивании планеты вокруг оси уносятся ею эти пустыни.

Белые бесформенные клоки и полосы – это облака.

Суша казалась грязно-жёлтой или грязно-зелёной.

К. Э. Циолковский с моделями оболочек дирижабля собственной конструкции.

Моря и океаны темны, но оттенки их различны, что зависит, вероятно, от степени их волнения и покоя. Вот там, может быть, на гребнях волн, играют барашки – так море белесовато. Воды кое-где покрыты облаками, но не все облака белоснежны, хотя сероватых мало: должно быть, они закрыты верхними светлыми слоями, состоящими из ледяной кристаллической пыли.

Два диаметральных конца планеты особенно блестели: это полярные снега и льды.

Северная белизна была чище и имела большую поверхность, чем южная.

Если бы облака не двигались, то их трудно было бы отличить от снега. Впрочем, снега большей частью лежат глубже в воздушном океане, и потому покрывающий их голубой цвет темнее, чем эта же окраска у облаков.

Снеговые блёстки небольшой величины мы видим рассеянными по всей планете и даже на экваторе – это вершины

Калужские фотографы 1930-х годов XX века любили снимать основоположника звездоплавания на велосипеде.

гор, иногда настолько высоких, что даже в тропических странах с них никогда не сходит снеговая шапка.

Это Альпы блестят!

Это Кавказские вершины!

Это Гималайский хребет!

Снеговые пятна более постоянны, чем облачные, но и они (снеговые) изменяются, исчезают и вновь появляются с временами года...

В телескоп можно было разобрать все подробности... Полюбовались мы!

Была первая четверть: тёмная половина Земли, освещённая слабой Луной, различалась с большим трудом и была далеко темнее тёмной (пепельной) части Луны, видимой с Земли.

Нам захотелось есть. Но прежде чем сойти в ущелье, мы желали узнать, очень ли ещё горяча почва. Сходим с устроенной нами каменной настилки, уже несколько раз возобновляемой, и оказываемся в невозможном натопленной бане. Жар быстро проникает через подошвы... Поспешно ретируемся: не скоро ещё остынет почва.

Мы обедаем в ущелье, края которого теперь не светятся, но звёзд видно страшное множество.

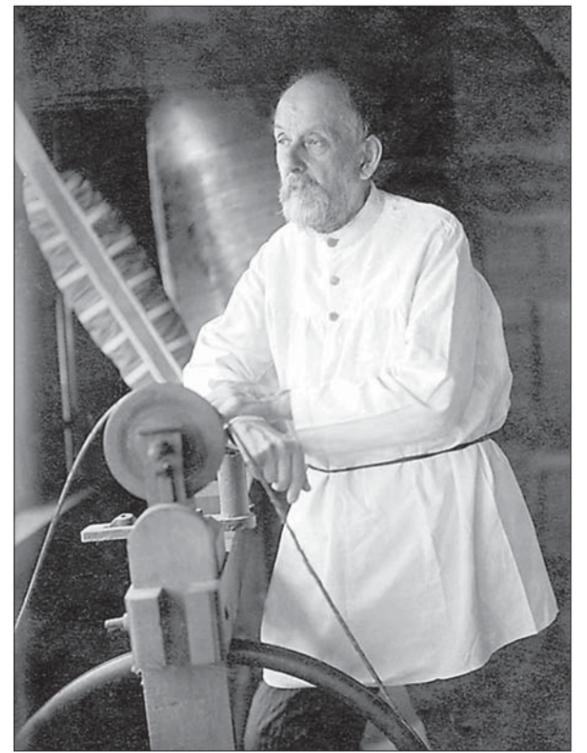
Через каждые два-три часа мы выходили и наблюдали месяц – Землю.

Мы могли бы осмотреть её всю часов в двадцать, если бы этому не мешала облачность вашей планеты. С некоторых мест облака упрямо не сходили и выводили нас из терпения, хотя мы и надеялись их ещё увидеть, и действительно мы их наблюдали, как только там выступало ведро.

Пять дней мы скрывались в недрах Луны и если выходили, то в ближайшие места и на короткое время.

Почва остывала и к концу пятых суток по-земному, или к середине ночи по-лунному, настолько охладилась, что мы решились предпринять своё путешествие по Луне: по её долам и горам. Ни в одном низком месте мы, собственно, и не были.

Эти темноватые, огромные и низкие пространства Луны принято называть морями, хотя совсем неправильно, так как там присутствие воды не обнаружено. Не найдём ли мы в этих «морях» и ещё более низких местах следов непутической деятельности – следов воды, воздуха и органической жизни, по мнению некоторых учёных, уже давно исчезнувших на Луне? Есть предположение, что

Циолковский в своей мастерской.

пёке. Следов воды, конечно, не было: она улетучилась без остатка. У крыльца нашли осколки стекла – это от фонаря, оправа которого была сделана из легкоплавкого металла: понятно – она расплавилась, и стёкла полетели вниз. В доме мы нашли меньше повреждений: толстые каменные стены защитили. В погребке всё оказалось целёхонько.

Забрав из погребки необходимое, чтобы не умереть от жажды и голода, мы отправились в продолжительное путешествие к полюсу Луны и в другое таинственное полушарие, не виденное ещё ни одним из людей.

– Не бежать ли нам за Солнцем к западу, – предложил физик, – склоняясь понемногу к одному из полюсов? Тогда мы можем сразу убить двух зайцев: первый заяц – достижение полюса и безмесячного полушария; второй заяц – избежание чрезмерного холода, так как, если не отстанем от Солнца, будем бежать по местам, нагреваемым Солнцем определённое время, – следовательно, по местам с неизменной температурой. Мы можем даже произвольно, по мере надобности, менять температуру: перегоняя Солнце, мы будем её повышать, отставая – понижать. Особенно это хорошо, имея в виду, что мы приблизимся к полюсу, средняя температура которого низка.

– Да полно, возможно ли это? – заметил я на странные теории физика.

– Очень возможно, – ответил он. – Возьми только в расчёт лёгкость бега на Луне и медленное движение (видимое) Солнца. В самом деле, наибольший лунный круг имеет тысяч десять вёрст протяжения. Это протяжение надо пробежать, чтобы не отстать от Солнца, в тридцать суток, или семьсот часов, выражаясь земным языком; следовательно, в час требуется пробежать четырнадцать с половиной вёрст.

– На Луне четырнадцать вёрст в час! – воскликнул я. – Глажу на это число не иначе, как с презрением.

– Ну, вот видишь.

– Шутя пробежим вдвое больше, – продолжал я, припоминая наши обоюдные гимнастические упражнения. – И тогда можно через каждые двенадцать часов столько же спать...

– Другие параллели, – объяснял физик, – чем ближе к полюсу, тем меньше, а так как мы направляемся именно через этот пункт, то можем бежать, не отставая от Солнца, постепенно с меньшей быстротой. Однако холод полярных стран не позволит этого сделать: по мере приближения к полюсу мы должны, чтобы не замёрзнуть, приблизиться к Солнцу, то есть бежать по местам хотя и полярным, но подверженным более продолжительному освещению Солнцем. Полярное Солнце стоит невысоко над горизонтом, и потому нагревание почвы несравненно слабее, так что даже при самом закате почва только тепла.

(Продолжение в следующую субботу)